

ББК 63.3(2)43-7
В 27

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации
Великого Новгорода и Исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова

Редколлегия: А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев

Фото на контратитуле — В. Л. Янин на раскопках в Новгороде в июле
1996 г. (автор фотографии — А. И. Овчинников)

Великий Новгород в истории средневековой Европы. К
Б27 70-летию В. Л. Янина. — М.: «Русские словари,
1999. — 467 с. — ISBN 5-93259-007-6

Сборник посвящен 70-летию выдающегося российского археолога и историка В. Л. Янина, чья жизнь и деятельность неразрывно связаны с Новгородом Великим. Книга содержит статьи, посвященные археологии и истории Новгорода (X-XVI вв.) и сопредельных территорий. В них на основе анализа письменных источников, в т. ч. берестяных грамот, а также разнообразного археологического и нумизматического материала обсуждаются общие и частные вопросы истории Новгорода и его соседей. Здесь также впервые публикуются новые археологические находки и памятники искусства.

Книга рассчитана на специалистов — историков, археологов, филологов, искусствоведов, — но, несомненно, будет полезна всем, кто интересуется историей России.

ISBN5-93259-007-6

ББК 63.3(2)43-7

© Издательство «Русские словари», 1999

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен 70-летию выдающегося отечественного археолога и историка Валентина Лаврентьевича ЯНИНА, чья жизнь, научные интересы и творческая деятельность неразрывно связаны с Новгородом. Именно поэтому, когда задумывался юбилейный сборник, было решено ограничить его содержание проблемами археологии и истории Новгорода и сопредельных территорий, а также анализом места Новгорода в истории и культуре средневековой Европе. Отсюда и название сборника, и круг его авторов, среди которых ученики, коллеги, друзья Валентина Лаврентьевича. Несомненно, их число гораздо шире участников нашего сборника.

Несмотря на кажущуюся географическую ограниченность, сборник объединяет статьи, чрезвычайно разнообразные по тематике, жанру и содержанию. Здесь — публикации уникальных древних предметов (Ж. Бланкофф, М. В. Седова, А. Н. Сорокин) и целых категорий археологических находок (А. Р. Артемьев, М. Д. Полубояринова, Е. А. Рыбина, Н. В. Хвощинская, И. Янссон); анализ различного археологического материала (Г. Е. Дубровин, Н. В. Ениосова, В. И. Поветкин, Л. В. Покровская, Л. И. Смирнова, Ю. Л. Щапова), монетных находок и проблем нумизматики (П. Г. Гайдуков, М. Мюллер-Вилле, Т. А. Пушкина, Г. А. Федоров-Давыдов), памятников архитектуры (Вл. В. Седов), искусства (Э. А. Гордиенко) и топографии города (Л. И. Петрова).

Ряд статей посвящен исследованию разнообразных письменных источников, в том числе берестяных грамот (Л. А. Бассалыго, А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Т. В. Рождественская, Р. Факкани). В отдельных статьях рассматриваются различные проблемы истории Новгорода (В. Водов, П. Д. Малыгин, Э. Мацуки, П. П. Толочко, А. С. Хорошев, А. Л. Хорошевич) и его соседей (И. О. Колосова, И. К. Лабутина, Н. А. Макаров, В. В. Седов). В статьях Е. Н. Носова и В. Н. Топорова обсуждаются общие вопросы, связанные с происхождением Новгорода и формированием его населения. Завершается сборник изящным источникovedческим этюдом В. Лефельдта.

Практически все статьи так или иначе связаны с научной деятельностью В. Л. Янина и отражают широкий круг его интересов и знаний: нумизматика, сфрагистика, летописание и актовые материалы, берестя-

Фон этой легенды, без сомнения, частично отражает историческую реальность, к которой принадлежит раннее Городище⁶¹. Скандинавские находки с Городища показывают, что люди с другой стороны Балтики, главным образом из Центральной Швеции, играли важную роль на поселении и хорошо обеспеченные члены общества носили одежду и украшения, в основном, скандинавских типов. Но выходцы из Скандинавии не образовывали здесь отдельной этнической группы. Поселение не было полиэтничным, как это часто утверждается.

Летопись ясно показывает, что династия Рюриковичей, которые все еще правили на Руси, когда составлялась хроника, рассматривали себя как потомков скандинавов. Это мнение частично подтверждается тем, что первые правители носили скандинавские имена. Они объясняли название Русь как название скандинавской этнической группы. Согласно очень общей европейской модели, в первом тысячелетии н. э. этническая принадлежность, приписываемая правителю, приписывалась его подданным независимо от их происхождения, языка и культуры⁶². Новгородцы, как отмечает летопись, сменили свой приписываемый этнос со славян на русь.

Скандинавская культура не представляла собой такой суперцивилизации, как Халифат, Византия или Франкская империя, чтобы этим объяснить ее сильное влияние на раннюю русскую культуру. Напротив, это должно означать, что скандинавские эмигранты, помимо политических лидеров, представляли большое число различных социальных групп. Но из-за быстрой ассимиляции подлинные масштабы скандинавского населения на Руси не могут быть легко определены. Нужны дальнейшие исследования специалистов разных дисциплин.

Скандинавская окраска материальной культуры Городища, как и в других местах на Руси, исчезла к концу X в., то есть довольно быстро. Я предполагаю, что это было, главным образом, связано со становлением русского христианского государства как части византийской культурной сферы, со славянским языком, используемым церковью и княжеским двором. На Городище есть только один предмет скандинавского типа, датируемый позже 1000 г.: необычная пряжка, украшенная звериными головами в стиле Урнес, возможно, происходящая с Готланда и датируемая временем около 1100 г. Наряду с этим имеется много предметов XI-XII вв. в Швеции, типичных для Руси и имеющих хорошие параллели среди находок Городища и Новгорода. Таким образом, в эти столетия культурное влияние через Балтийское море шло, главным образом, с востока на запад.

⁶¹ Об общей дискуссии см.: Janin V. L. Das frühe Novgorod. // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 69; Janin V. The archaeological study of Novgorod: an historical perspective. // The Archaeology of Novgorod, Russia. Lincoln, 1992; Носов Е. Н. Ук. соч. С. 184 и сл.

⁶² Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln-Graz, 1961. О ходе последующих дискуссий и примерах из времени Великого переселения народов см.: Harrison D. Dark Age migrations and subjective ethnicity: the example of the Lombards. // Scandia 57. 1991.

Н. В. Хвощинская

ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА*

Подковообразные фибулы являются характерными металлическими деталями древнего костюма. Это простая по конструкции и удобная форма застежек была характерна для народов Балтийского региона. Своебразный покрой одежды скандинавов, финнов, балтов предопределил повсеместное использование фибул у этих народов. На территории Восточной Европы находки подковообразных фибул сосредоточены главным образом на северо-западе Новгородской земли, в Приладожье и в Поволжье¹, то есть именно там, где славянские племена соприкасались с финно-угорскими, балтскими и скандинавскими народами². Показательны в этом отношении материалы русских кладов. Из 175 вещевых кладов IX-XIII вв., опубликованных Г. Ф. Корзухиной, подобные фибулы входили только в состав 6 кладов, преимущественно расположенных на Северо-Западе России³, что несомненно отражает общую ситуацию распространения фибул по территории Древней Руси.

В свете сказанного представляет интерес коллекция подковообразных фибул Новгородского (Рюрикова) Городища — раннегородского центра, предшествовавшего Новгороду и расположенного на оживленной торговой магистрали, ведущей вглубь страны. Рюриково городище, кроме того, долгое время являлось резиденцией русских князей и местом пребывания княжеской дружины, в которую входило немало скандинавов⁴. Всего с Рюрикова городища происходит 45 подковообразных фибул и их обломков, которые были обнаружены как при раскопках, так и, в основном, при сборе подъемного материала. Наибольшее число застежек составляли фибулы с многогранными головками (19) и фибулы со спиральными концами (17), небольшая группа фибул имела гвоздевидные и плоские четырехугольные головки (соответственно 4 и 2), среди редких находок: фибула со звериными головками, сюльгама и обломок застежки со срезанной пирамidalной полой головкой.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ — проект 98-01-00314.

¹ Мальм 1967:150, приложение: 174-187.

² Нидерле 1956:244.

³ Корзухина 1954: 36, 47, 49, 50, 56, 59.

⁴ Носов 1990.

Самую значительную группу составляют подковообразные фибулы с многогранными пирамидальными головками (2 целые, 17 — в обломках, рис. 1). Это массивные литые бронзовые украшения, имеющие, как правило, шестигранное сечение (нижние грани часто сильно сглажены и закруглены), в 3 случаях сечение дуги было подтрапециевидным. Диаметры фибул колеблются от 5 до 7,5 см. По характеру оформления головок выделяются две группы украшений. К первой группе относятся 13 фибул с обычными гранеными головками в виде усеченной пирамиды (рис. 1: 1-12). Пять из них имели по два разграничителя на дуге (рис. 1: 6, 8-12), полностью повторяющие по форме концы фибул (возможно, число изделий с такими дополнительными многогранными кубиками на дугах было больше, однако сохранившиеся фрагменты некоторых украшений слишком незначительны, чтобы определенно судить об этом). Вторая группа представлена двумя изделиями, на головках которых, а в одном случае и на разграничителях дуги, имелись шипы (рис. 1: 13-14). К этим же группам украшений также, несомненно, следует отнести обломки средних частей дуг трех фибул. Все без исключения изделия орнаментированы, как правило, по верхним граням дуг, реже — по верхним боковым граням. Основными мотивами орнамента являлись миниатюрные треугольники и кружки (иногда кружки вписывались в треугольники), волнистые линии, сеточки из ромбиков, штриховые и точечные линии (рис. 1). Глазковым орнаментом (кружок с точкой по середине) и штриховыми линиями орнаментировались и отдельные головки. Узоры были исполнены двумя способами: чеканкой и гравировкой.

На территории Древней Руси фибулы с многогранными головками известны в Приладожье⁵, в Ярославском Поволжье⁶, в Гнездове на верхнем Днепре⁷, на Сарском городище⁸, в Черниговской, Псковской и Тверской областях⁹. В основном они происходят из могильников (как правило, из захоронений по обряду кремации), реже — с поселений и из кладов¹⁰. По своду В. А. Малым русские экземпляры датируются X — первой половиной XI вв.¹¹ За пределами Руси данные украшения являются характерными элементами культуры народов Балтийского региона. Они встречаются в памятниках Прибалтики¹², Швеции¹³, Норвегии¹⁴ и Финляндии¹⁵. В

⁵ Бранденбург 1895: табл. I: 1, 4, 17; II: 3, 68; Кочкурина 1973: 29-30; Raudonikas 1930: 60-73, 78, Abb. 69, 91.

⁶ Фехнер 1963: 79-84, рис. 46: 24-25.

⁷ Сизов 1902: табл. I: 17; Путь из варяг 1996: 58, рис. 354.

⁸ Леонтьев 1996: 170-172.

⁹ Успенская 1993: 102.

¹⁰ Корзухина 1954: 92-93, табл. XV-1.

¹¹ Малым 1967: 161.

¹² Katalog der Ausstellung 1896: Taf. XIX: 16, 26; Люцинский могильник 1893: табл. VI: 7, 9; Нуксинский могильник 1957: табл. VIII: 2, 7; Urtans 1977: 70 att.: 3, 4; 96 att.; Mägi-Lõugas 1994: tabl. I: 3-5.

¹³ Arbman 1940: Taf. 53, 54; Carlsson 1988: 22.

¹⁴ Sjovold 1974: 217, 218.

¹⁵ Salmo 1956: 30-36.

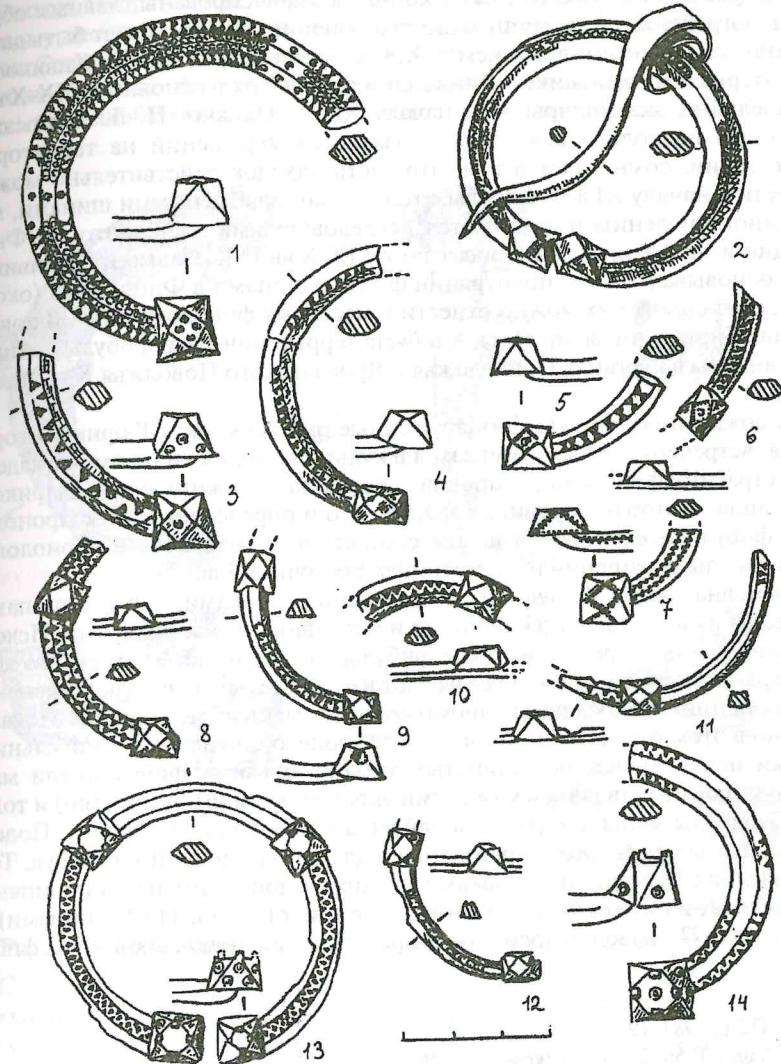

Рис. 1. Подковообразные фибулы с многогранными головками

Бирке фибулы с многогранными концами зафиксированы главным образом в погребениях X в., лишь одно захоронение (№ 855) может быть датировано более ранним временем¹⁶. Х. Салмо, а вслед за ним Э. Кивикоски по материалам памятников Финляндии относят их в основном к IX-X вв., и отдельные экземпляры — к началу XI в.¹⁷ Однако, П.-Л. Лехтосало-Хиландер несколько сужает датировку этих украшений на территории Финляндии, сомневаясь в том, что часть находок действительно можно отнести к началу XI в.¹⁸ Фибулы с головками, снабженными шипами, менее многочисленны и датируются исследователями на территории Финляндии и на Аландских островах также IX-X вв.¹⁹ Х. Салмо и Э. Кивикоски, основываясь на концентрации фибул с шипами в Финляндии (около 100), считали, что их можно отнести к местному финскому типу. В погребениях Бирки они датируются X в.²⁰ На территории Руси фибулы с шипами найдены в курганах Приладожья и Ярославского Поволжья X — начала XI вв.²¹

К сожалению, фибулы, обнаруженные при раскопках Рюрикова городища, встречены не в комплексах, а в культурном слое, и не имеют надежной стратиграфической датировки. Общая дата нижних слоев Рюрикова городища — вторая половина IX-X вв., что и определяет общую хронологию фибул поселения и в целом соответствует отмеченной хронологии этой группы украшений на памятниках Восточной Европы.

Основная часть фибул, как с простыми головками, так и с шипами, представлена достаточно крупными и массивными экземплярами. Исходя из материалов погребений, такие фибулы являлись частью мужского костюма, хотя исследователи и указывают на их отдельные находки в женских захоронениях. В последних фибулы обычно меньше по размеру. Показательно в этом отношении привести следующую статистику: в могильнике Бирки подавляющее большинство подковообразных фибул имели массивную форму и являлись мужскими украшениями (61 экземпляр) и только 22 фибулы меньшего размера найдены в женских погребениях. Подобное общее соотношение справедливо и для конкретных типов фибул. Так, 23 изделия с гранеными головками (из них 4 с дополнительными шипами) происходят из мужских погребений, а, соответственно, 11 (2 с шипами) — из женских²². Вывод относительно преобладания подковообразных фибул

в мужских захоронениях Норвегии был сделан Я. Петерсеном²³. К аналогичному заключению пришел Н. А. Макаров на материалах курганов Русского Севера²⁴. Исключительно в мужских погребениях встречены все подковообразные фибулы в Березовецком могильнике на оз. Селигер (здесь найдено 9 фибул, одна из которых с гранеными головками)²⁵.

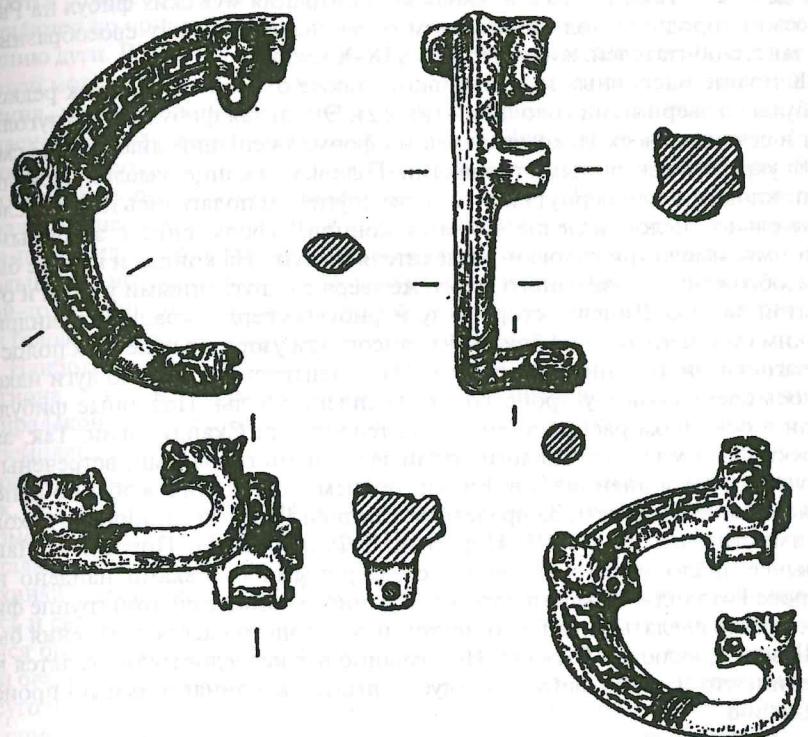

Рис. 2. Подковообразная скандинавская фибула со звериными головками

Следует так же специально обратить внимание на то, что на Рюриковом городище обнаружена одна из наиболее представительных коллекций фибул с многогранными головками на территории Восточной Европы — 19 экземпляров. Если при этом учесть, что при раскопках поселений фибулы попадаются значительно реже, чем при раскопках могильников, то в этом отношении поселение вообще выглядит уникальным. Приведем некоторо-

¹⁶ Thålin 1984: 19.

¹⁷ Salmo 1956: 30-36; Kivikoski 1973: 95.

¹⁸ Lehtosalo-Hilander 1982: 102.

¹⁹ Salmo 1956: 36-43; Kivikoski 1963: Taf. 44:3, 45:3, 46:11, 54:6; Kivikoski 1973: Abb. 696, 697; Lehtosalo-Hilander 1982: 102, 103.

²⁰ Thålin 1984: 19.

²¹ Бранденбург 1895: табл. II: 1, 4, 16; Raudonikas 1930: 60-73, 78, Abb. 69, 91; Фехнер 1963: 79, рис. 46:25

²² Thålin 1984: 16-17.

²³ Petersen 1928: 128.

²⁴ Макаров 1997: 43.

²⁵ Успенская 1993: 102.

рые опубликованные данные о находках рассматриваемых фибул для ряда памятников Восточной Европы: на Сарском городище — 9 экземпляров (1 серебряная и 3 бронзовые с разграничительными на дуге)²⁶, в Тимеревском могильнике — 3, в Петровском — 3 (одна с шипами), в Михайловском — 1²⁷, в многочисленных Приладожских курганных группах — 14, в том числе 6 с шипами²⁸, в курганах Русского Севера — 4 (две с шипами)²⁹, в Новгороде — 430. Таким образом, явная концентрация мужских фибул на Рюриковом городище под Новгородом очевидна и отражает своеобразный состав его обитателей, живших здесь в IX-X веках.

К группе массивных мужских фибул также относится обломок редкой фибулы со звериными головками (рис. 2). Эта литая фибула, шестиугольная в сечении, несколько овальная по форме (меньший диаметр 6,3 см), была украшена звериными головками. Головка на конце изделия несколько приподнята и повернута к дуге, а две другие располагались на дуге, следовательно, целое изделие помимо концов, оформленных звериными мордами, имело три головки-разделителя на дуге. На концах и на дуге была изображена голова одного и того же зверя с округленными ушами и открытой пастью. Лицевая сторона дуги фибулы сверху украшена меандрическим орнаментом, а по бокам — пuhanсонным узором в виде двух полос и зигзагообразной линии между ними. Под центральной частью дуги находилось специальное устройство для крепления иглы. Подобные фибулы были в основном распространены на территории Скандинавии. Так, застежки, оформленные аналогичными звериными головками, встречены в 6 мужских захоронениях X в. Бирки, причем одна из них особенно напоминает наше изделие³¹. За пределами Средней Швеции единичные находки известны в Германии³², Норвегии³³, Финляндии³⁴, Пруссии³⁵. Наибольшее число массивных фибул со звериными головками найдено на острове Готланд — 9 экземпляров³⁶. Суммируя данные об этой группе фибул, можно сделать вывод, что местом их основного распространения была Швеция, включая Готланд. Не случайно все исследователи сходятся во мнении, что данные фибулы следует считать скандинавскими по происхождению.

²⁶ Леонтьев 1996: 172.

²⁷ Фехнер 1963: 84, табл. 1.

²⁸ Кочкуркина 1973: 29-30. Данные по курганам Юго-Восточного Приладожья требуют уточнения.

²⁹ Макаров 1997: 43.

³⁰ Седова 1981: 86, рис. 31:12.

³¹ Arbman 1940: Taf. 48-2.

³² Müller-Wille 1988: 742-745.

³³ Sjovold 1974: 215, Taf. 47d.

³⁴ Salmo 1956: 43, Abb. 18; Kivikoski 1973: 96, Taf. 78, Abb. 699.

³⁵ Mühlen 1975: Taf. 25.

³⁶ Carlsson 1988: 34-35.

Однако, где именно в Скандинавии они изготавливались, сказать трудно. М. Стенбергер³⁷ полагал, что это был остров Готланд. М. Мюллер-Вилле определяет эту группу изделий как готландско-упландскую. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что каждая фибула имеет свои индивидуальные особенности. Фактически среди рассматриваемой группы нет полностью идентичных между собой изделий. Общими для них являются размеры, сечение дуги и формы головок. В то же время фибулы отличаются по орнаментации, дополнительным головкам на дуге и по креплению дуги. В каждом случае они изготавливались индивидуально по восковой модели. И хотя их скандинавское происхождение не вызывает сомнения, изготавливаться они могли в любом районе, где работали скандинавские ремесленники. Экземпляр подобной фибулы, найденный на Рюриковом городище, является уникальной находкой на территории Восточной Европы. К этому можно добавить, что в 1997 году от местного коллекционера А. Сметанина в Новгородский музей с Рюрикова городища поступила еще одна скандинавская фибула, относящаяся уже к типу кольцевых, но украшенная точно такими же звериными головками. В какой-то степени это показывает, что подковообразная фибула со звериными головками является далеко не случайной находкой на Городище.

Наиболее распространенным типом фибул как в странах Балтийского региона, так и на территории Древней Руси являлись подковообразные спиралеконечные застежки. В коллекции Городища они представлены 17 экземплярами (13 целых и 4 обломка) (рис. 3). Именно эти более обычные украшения на Городище составляли несколько меньший процент находок, чем фибулы с гранеными головками. Среди этой группы фибул по размерам выделялись два крупных изделия (диаметром от 5 до 5,9 см), а остальные имели средние и небольшие размеры (диаметром от 2 до 4 см). Техника изготовления этих фибул была проста — концы дуги расковывались и сворачивались в спираль. В качестве основы в 5 случаях использовался бронзовый дрот ромбического сечения (рис. 3: 6, 8), в 6 — круглой или овальной формы (рис. 3: 1, 3, 7, 11, 12), в 1 — дуга имела неправильное треугольное сечение (рис. 3: 5). Из всей группы подковообразных фибул со спиральными концами выделяются три изделия. Одна фибула была изготовлена из тордированного, то есть перекрученного четырехугольного бронзового дрота (рис. 3: 9); дуга второй фибулы скручена из двух отдельных проволочек (рис. 3: 10); а третья фибула представляла собой миниатюрное изделие из оловяннисто-свинцового сплава, с дугой, изготовленной в технике филиграni, — специальным инструментом выпилены шаровидные звенья, которые, в свою очередь, разделены в центре бороздкой на два равных полушария (рис. 3: 4)³⁸.

³⁷ Stenberger 1958: 70.

³⁸ Duczko 1985: 16-23.

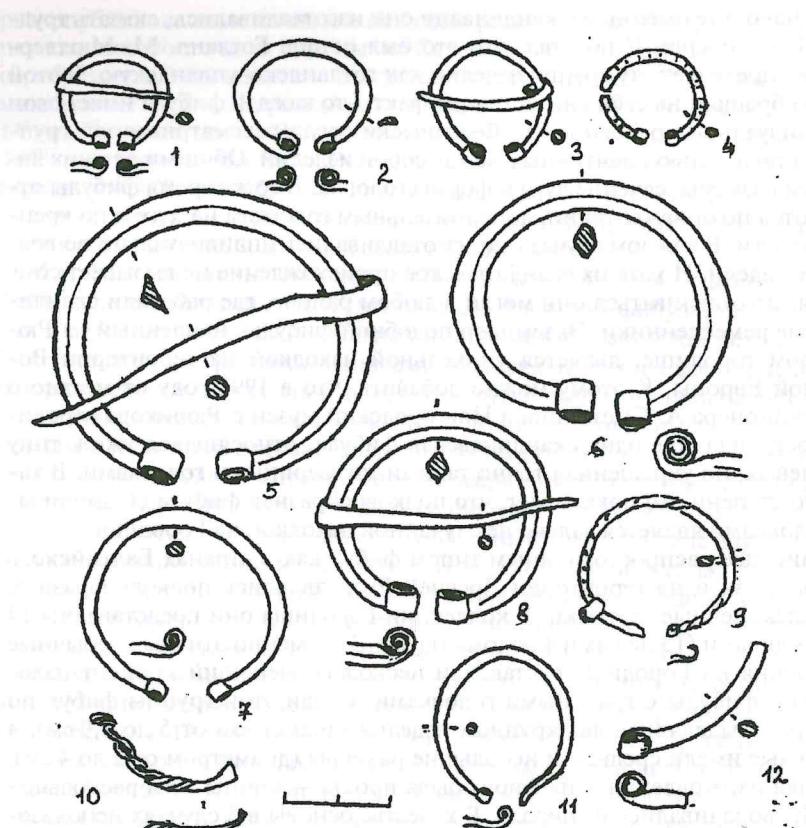

Рис. 3. Подковообразные спиралеконечные фибулы

Таким образом, на Городище наблюдается достаточное разнообразие подковообразных фибул со спиральными головками, если рассматривать характер их изготовления и поперечное сечение дуг, а единственное, что объединяет данные изделия в одну группу, так это общий принцип оформления их концов. Круг аналогий фибулам со спиральными концами достаточно широк. Они встречаются не только на территориях, где подковообразные фибулы являлись характерным элементом одежды местного населения (Скандинавия, Финляндия, Прибалтика, северные районы Руси), но и далеко за их пределами. Хронологически в городищенской коллекции можно выделить более раннюю группу фибул. К ним, в частности, относятся фибула с торцированной дугой и несколько фибул с ромбическим сечением дуги, которые преимущественно бытовали в X-XI вв.³⁹ В свою очередь фибулы с округлым сечением дуги имеют широкую датировку X-XIII вв.⁴⁰

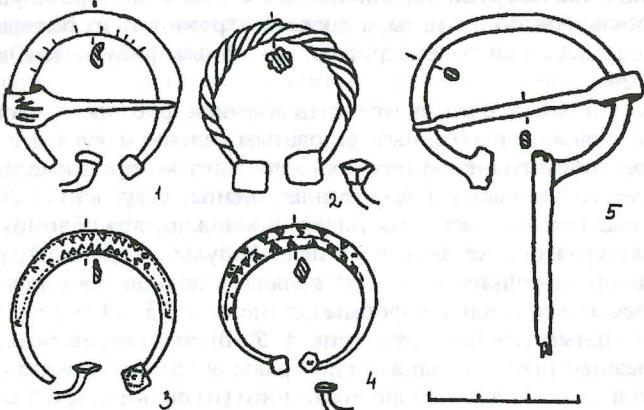

Рис. 4. Подковообразные фибулы с гвоздевидными головками (1-4) и сюльгама (5).

В состав коллекции подковообразных фибул Рюрикова городища входят 4 изделия с гвоздевидными головками (в виде небольшой усеченной пирамидки) (рис. 4: 1, 2). Данные фибулы имели средние размеры от 3 до 4 см диаметром и различные сечения дуг: ромбическое, овальное, сегментовидное, а одна фибула изготовлена из торцированного четырехугольного дрота (рис. 4: 2). Торцированная фибула и застежка с сегментовидным

³⁹ Мальм 1967: 156-157; Седова 1981: 84.

⁴⁰ Мальм 1967: 152; Седова 1981: 86.

сечением сохранились полностью и в обоих случаях середины дуг были заметно утолщены. Последняя фибула имела также иглу с широким основанием. Подобные фибулы на территории Новгородской земли встречаются в курганах второй половины XI-XIII вв.⁴¹, в самом Новгороде хронологический разброс фибул с гвоздевидными концами достаточно велик: конец X — конец XIV вв.⁴² Типологически близки к описанной группе изделия еще две фибулы с Городища диаметром 3 см. От последних они несколько отличались только своими концами, которые были оформлены в виде уплощенных квадратов (рис. 4: 3, 4). В то же время, как и в предыдущей группе, дуги этих фибул расширены в середине (одна из них имела ромбовидное сечение, другая была пластинчатой). Оба украшения орнаментированы пуансонным узором в виде треугольников и кружков (в одном случае орнамент сильно затерт). Судя по аналогиям, фибулы такого рода обычно имели расширенную в основании иглу, а время их бытования совпадало с датировкой фибул с гвоздевидными головками. Учитывая общие признаки обеих групп украшений, а именно характерное утолщение дуги и широкое основание иглы, а также синхронность их бытования, некоторые исследователи рассматривают подобные фибулы как варианты одного типа⁴³.

Из редких находок следует отметить обломок фибулы из оловянисто-свинцовового сплава с необычным угловатым сечением дуги и с пирамидальной срезанной головкой, верхняя площадка которой имела круглую форму, а вместо боковых углов — миндалевидные углубления. Внутри, до половины высоты, головка была полая. Возможно, это обломок изделия местных мастеров или неудачная отливка фибулы с воронковидными головками. Вторым редким изделием являлась подковообразная фибула-сюльгама несколько овальной формы (диаметром 3,5-4,4 см) с «длинными усами» и овальным сечением дуги (рис. 4: 5). Внешне украшение выглядело как железный предмет, однако спектральный анализ показал, что оно было изготовлено из сплава меди со свинцом (из свинцовистой бронзы), а в металле язычка застежки фиксируются значительные примеси цинка⁴⁴. Эти своеобразные застежки известны у финского населения Поволжья в VII — первой половине VIII в.⁴⁵ В дальнейшем они встречаются только у мордвы. В комплексе древностей Сарского городища найдено 7 сюльгам: 3 — на самом городище, 3 — в могильнике и 1 — на селище⁴⁶.

⁴¹ Мальм 1967: 166.

⁴² Седова 1981: 86, 88.

⁴³ Мальм 1967: 166.

⁴⁴ Анализ проведен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А. Н. Егорьевым.

⁴⁵ Розенфельд 1982: 76-78.

⁴⁶ Леонтьев 1996: 170.

В целом коллекция подковообразных фибул Новгородского (Рюрикова) Городища достаточно своеобразна по сравнению с коллекциями других памятников Древней Руси. Ее основу составляют застежки с многоугольными головками, имеющие в основном скандинавское происхождение, которые являются крайне редкими на поселениях Восточной Европы и встречаются только в тех могильниках, где ярко выражены скандинавские или финские элементы. Это в полной мере соответствует общему контексту находок с Рюрикова городища, где скандинавские древности многочисленны и разнообразны. Подковообразные фибулы с многоугольными головками, относящиеся к мужскому костюму, как и фибула со звериными головками, свидетельствуют о присутствии большого количества мужчин среди обитателей Рюрикова городища IX — X вв. Это впечатление выразительности «мужской культуры» еще более усиливается, если иметь в виду, что с Рюрикова городища происходит и самая представительная среди памятников Восточной Европы коллекция кольцевидных фибул с длинными иглами (19 экземпляров по подсчетам И. Янссона), которые также являлись металлическими частями скандинавской мужской одежды. Рюриково городище на раннем этапе своей истории являлось торгово-ремесленным и военно-административным центром на пересечении основных торгово-военных путей лесной зоны Восточной Европы, пунктом, где находился князь и его дружины. Именно воины-дружинники, видимо, составляли значительный контингент населения поселка и именно ими были утеряны многочисленные украшения.

Среди уникальных находок на Рюриковом городище следует выделить сюльгаму. Подобные украшения вообще не встречаются на памятниках Новгородской земли, и эта редкая вещь попала на поселение, скорее всего, по Балтийско-Волжскому пути из района Волго-Окского междуречья, возможно, непосредственно с Сарского городища. Не случайно именно на последнем представлены и северные фибулы с многогранными головками, и сюльгамы, и вообще одни из наиболее ранних скандинавских находок на территории Восточной Европы.

Что касается имеющихся в коллекции Рюрикова городища подковообразных фибул со спиральными концами, то они обычны для памятников широких территорий и встречаются среди находок начиная с раннего железного века⁴⁷, однако наибольшую популярность эти застежки приобретают в период средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Бранденбург Н. Е. 1895. Курганы Южного Приладожья. МАР 18. СПб.
Кочкуркина С. И. 1973. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Л.
Корзухина Г. Ф. 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л.
Леонтьев А. Е. 1996. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). М.
Люцинский могильник. 1893. МАР 14. СПб.

⁴⁷ Розенфельд 1982: 78, 79.

- Макаров Н. А. 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М.
- Мальм В. А. 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43: 149-190.
- Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М.
- Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Нукшинский могильник. 1957. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. т. 1. Рига.
- Путь из варяг. 1996. Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М.
- Розенфельд И. Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.
- Самоквасов Д. Я. 1917. Могильные древности северян Черниговщины. М.
- Седова М. В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.
- Сизов В. И. 1902. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР 28. СПб.
- Фехнер М. В. 1963. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв.: 75-85. М.
- Успенская А. В. 1993. Березовецкий курганный могильник X-XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82: 79-135.
- Arbman H. 1940. Birka I. Die Gräber. Stockholm.
- Carlsson A. 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm Studies in Archaeology 8. Stockholm.
- Duczko W. 1985. Birka V. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. Stockholm.
- Katalog der Ausstellung. 1896. Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga.
- Kivikoski E. 1963. Kvarnbacken Ein Graberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki.
- Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Lehtosalo-Hilander P.-L. 1982. Luistari II. The Artefacts. Helsinki.
- Mägi-Lõugas M. 1994. Eesti viikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // Eesti teaduste Akadeemia Toimmetised. Humanitaar-ja sotsiaalteadused 43: 465-482. Tallin.
- Müller-Wille M. 1988. Frengut und import östlicher Provenienz in Schleswig-Holstein (9.-12. Jahrhundert) // Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 740-783. Mainz am Rhein.
- Mühlen B. 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner H. Vorgesch. 9. Bonn.
- Petersen J. 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Raudonikas W. I. 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Salmo H. 1956. Finnische Hufeisenfibeln. Finska formminnesföreningens Tidskrift 56. Helsingfors.
- Sjovold Th. 1974. The Iron Age Settlement of Arctic Norway. 2 Late Iron Age. Tromsø Mus. Skr. 10/2. Tromsø-Oslo-Bergen.
- Stenberger M. 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 1 Text. Uppsala.
- Thålin H. 1984. Ringspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde (Ed. G. Arwidsson): 15-22. Stockholm.
- Urtans V. 1977. Senakie depoziti Latvija. Riga.

Л. В. Покровская

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ

НОВГОРОДА X-XI вв.

(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕРЕВСКОГО И ТРОИЦКОГО РАСКОПОВ)

За годы археологического изучения Новгорода, благодаря уникальной сохранности культурного слоя, проведению работ в разных частях города и крупномасштабным исследованиям на Неревском и Людином концах была собрана огромная коллекция археологических древностей. Значительное место в ней занимают ювелирные украшения, которые по ряду признаков являются хронологическим и этническим индикатором изучаемого комплекса.

Отмечу, что вопрос о формировании населения Новгорода и его этнической принадлежности относится к числу дискуссионных в отечественной историографии в первую очередь из-за недостатка источников. Между тем определенную информацию по данной проблеме можно получить при анализе ювелирных украшений, обнаруженных в слоях раннего периода. Конечно, практически невозможно определить этнос только по украшениям, тем более в городе. Однако вполне реально определить происхождение вещи, т.е. изначальное место изобретения конкретного типа украшения, и впоследствии проследить динамику его развития уже в иной среде, попытаться понять, почему это происходит, выяснить истоки и причины взаимосвязей и взаимовлияний разных культурных традиций.

Основные категории ювелирных украшений средневекового Новгорода были подробно рассмотрены М. В. Седовой в монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.)», в которой автор отмечает среди новгородских ювелирных украшений раннего периода наличие западнофинских и балтских предметов, а также небольшое количество скандинавских изделий. Концентрация балтских и западнофинских украшений на Неревском раскопе, по мнению М. В. Седовой, подтверждает гипотезу В. Л. Янина и М. Х. Алешковского о сложении Новгорода как городского центра на основе разноэтничных поселков¹.

Однако до сих пор ювелирные украшения, обнаруженные при раскопках в Новгороде в слоях X-XI вв., детально не анализировались с точки зрения их этнической и инокультурной принадлежности. Именно эти ас-

¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981, с. 180.